

18+

Ольга Юкнявичене

Не...идеальна..Я

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Иногда молчать
и терпеть
нет больше сил...*

Ольга Юкнявичене

**Не... идеальна..Я. Иногда молчать
и терпеть нет больше сил...**

«Издательские решения»

Юкнявичене О.

Не... идеальна..Я. Иногда молчать и терпеть нет больше сил... /
О. Юкнявичене — «Издательские решения»,

В жизни Софьи всё идёт наперекосяк. Судьба преподносит ей один неприятный сюрприз за другим, проверяя её на прочность. Сможет ли она пройти этот путь и справиться с собственными демонами?

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвёртая	20
Глава пятая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Не... идеальна..Я Иногда молчать и терпеть нет больше сил...

Ольга Юкнявичене

Дизайнер обложки Мария Фролова

Корректор Юрий Кудряшов

Помощник Капелька вдохновения

© Ольга Юкнявичене, 2026

© Мария Фролова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4582-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Взъерошенный мужчина крепко прижимал к себе окровавленную, потерявшую сознание девочку и умоляюще шептал:

— Помогите! Сделайте что-нибудь! Верните мне мою дочь! Ради всего святого, я отдам всё что угодно — заработаю, влезу в долги... Только спасите её!

В ответ послышался приказ:

— Сестра, готовьте операционную... Прошу вас, не мешайте. Мы сделаем всё возможное. Пульса нет! Срочно электрошок!

— Папаша, выйдите из операционной! — строго приказала пожилая санитарка, покачав головой и захлопнув дверь.

Мужчина тяжело опустился на стул и, раскачиваясь всем телом, схватился за голову, шепча себе под нос:

— Как я мог допустить это? Нет мне прощения...

Глава первая

Миновали годы, и вот наступила весна. Александр Трофимович выглянул в окно и увидел, что утро выдалось на удивление прекрасным. Небо было чистым и бездонным, воздух — свежим и прохладным. Лишь редкие, едва ощутимые порывы ветра нарушали безмятежную тишину. Щедрое, ласковое солнце согревало озябшую землю, превращая тающий снег в серебряные ручейки и зеркальные лужи. Местами проклёвывалась зелёная трава. Всюду царило оживление: суетливые жучки, паучки и букашки сновали по своим делам, а золотисто-коричневая бабочка порхала в поисках первых цветов и смолистых почек. Птицы радостно пели отовсюду, возвещая о приходе весны.

Александр Трофимович заглянул к дочери и сказал:

— Поднимайся, соня! А то проспийшь весь праздник!

— Который час? — спросила Софья, ещё не до конца проснувшись.

— Без четверти десять! — проворчал отец, явно недовольный её медлительностью.

— Ну па-ап, хоть бы ещё часик! — жалобно протянула Соня.

Но отец был непреклонен:

— Хватит ныть. Вставай.

Софья неохотно сползла с тёплой кровати на прохладный пол. Пару мгновений она сонно моргала, пытаясь проснуться.

— Я не стану повторять дважды! Ты поняла? — сердито спросил отец, распахнув форточку.

— Да, — еле сдерживая зевоту, ответила Софья.

— Завтрак стынет. Живо чистить зубы, умываться — и к столу!

Александр Трофимович слыл человеком с весьма непростым нравом. Он не выносил будничной рутины и как мог вносил непредсказуемое разнообразие. Однажды, отправившись на рыбалку, он отсутствовал целых трое суток, чем изрядно встревожил свою жену, Варвару Никитичну. Когда та уже собиралась обратиться к участковому, на пороге появился её муж, держа в руках внушительную зубастую щуку.

Перед каждой охотой он любил похвастаться перед домочадцами:

— Я лучший добытчик, и мне неведом страх! В тайге полно всякой дичи. Ждите, сегодня на ужин будут рябчики.

Александр Трофимович был бесстрашным охотником, не страшился в одиночку вступить в схватку с медведем, имея при себе лишь нож, и всегда с нескрываемой гордостью выставлял напоказ свои трофеи. Александр Трофимович не выносил постоянного давления и придирок жены. Он мог уйти за хлебом в соседнюю булочную, а вернуться через два дня. При этом он был упрям, не признавал своих ошибок и ставил личные интересы выше всего. За внешним спокойствием скрывался конфликтный и недоверчивый человек. Он легко разжигал ссоры, сыпал ругательствами и безжалостно причинял боль близким. Все его помыслы были сосредоточены на земных радостях: он любил выпить, погулять и пофлиртовать с чужими женщинами. В нём было этакое щегольство столичного жителя. Ради минутного наслаждения он был готов разрушить отношения с семьёй и друзьями. Но, несмотря на эту тёмную сторону его натуры, Софья видела в нём своего героя, к которому тянулась. Александр Трофимович часто бывал раздражительным, беспрестанно сердился по любому пустяку. Дочь привыкла, что папа часто не в духе и время от времени злится.

— Папа, а что такое демонстрация? — откусив бутерброд с колбасой, спросила Софья.

— Понимаешь, Сонька, это публичное собрание. То есть большое скопление народа. Люди обсуждают народные дела, весело проводят время. В школе вам преподают историю,

будь внимательна на уроках. Потом спрошу! — Александр Трофимович доел яичницу и принялся за кофе.

Они торопливо позавтракали и вышли из дома. Улица была оживлённой, все куда-то спешили. Поздоровавшись с соседом, Александр Трофимович и его дочь направились к клубу. Поднявшись на пригорок, они прошли мимо пожарной части. Софья, обходя красное здание, старалась не отставать от отца.

У кинотеатра «Гренада» было столпотворение, и они с трудом протиснулись в переполненный зал.

— Давай быстрее. Вон наш председатель уже на трибуне. Я очень хочу послушать его речь.

Александр Трофимович уверенно прокладывал себе путь сквозь разношёрстную толпу. Им удалось занять места в первом ряду. Зазвучали громкие аплодисменты и одобрительные возгласы.

Помощник председателя прочистил горло и постучал по микрофону. Толпа мгновенно утихла.

— С докладом, посвящённым Дню Победы, выступит товарищ председатель Соколов. Аплодисменты, товарищи!

Жители бурно приветствовали главу администрации посёлка Лапри.

На трибуну поднялся седовласый мужчина лет пятидесяти. Председатель поприветствовал собравшихся, достал записную книжку из портфеля и неспешно начал:

— Товарищи! Прошедший год был непростым, но мы добились существенного прогресса в развитии нашего посёлка. Мы успешно искоренили безработицу и неграмотность. Активно работали над повышением благосостояния наших граждан. Сейчас мы предпринимаем шаги для улучшения условий труда, медицинского обслуживания и охраны окружающей среды...

— Красиво говорит, — воскликнул Александр Трофимович, хлопая в ладоши.

Зал вновь взорвался аплодисментами, кое-где послышался одобрительный свист.

Софья наблюдала за чередой выступавших в официальных костюмах, пытаясь уловить смысл их слов, но тщетно. Ей отчаянно хотелось покинуть это место. В то время как глава администрации пафосно рассуждал об исторической роли СССР и его влиянии на мир, девочка совершенно не понимала происходящего. Она не находила себе места, постоянно ёрзала и донимала отца вопросами. Александр Трофимович едва удерживался от того, чтобы не ответить ей затрепину.

Когда докладчик торжественно заявил о закреплении в новой Конституции развитого социализма как этапа к коммунизму с его мощными производительными силами, передовой наукой и культурой, Софья робко предложила:

— Пап, а можно я... сбегаю в садик за Полькой?

В ответ Александр Трофимович лишь досадливо махнул головой.

Софья, словно пружина, мгновенно поднялась и рванула к выходу. Оказавшись на улице, она вдохнула свежий воздух и почувствовала долгожданное облегчение — впереди было время для прогулки. Наблюдая за тающим снегом, Софья невольно погрузилась в воспоминания о минувших январских днях, когда за окном бушевали свирепые метели и вьюги. Эта зима запомнилась ей особенно трескучими морозами и пронизывавшим до самых костей ледяным дыханием ветра.

Соня шагала по асфальтированной дороге, той самой, по которой каждое утро, словно по расписанию, проносились грузовики, автомобили и рейсовые автобусы. Многие жители отправлялись на работу в ближайший город и возвращались домой лишь с наступлением темноты. За дорогой открывался живописный вид на побережье, где хрустальной нитью вилась чистейшая река, подарившая имя посёлку. Это место было излюбленным уголком для детских игр и зимой, и летом. Посёлок уютно расположился среди могучих гор, чьи склоны утопали

в густых вечнозелёных лесах. Эти величественные молчаливые вершины, казалось, хранили в себе древние секреты. Здесь каждый, от мала до велика, находил своё счастье.

Выходные дни жители проводили по-разному, в зависимости от своих вкусов и привычек. Кто-то предпочитал, удобно устроившись на веранде в кресле-качалке, перечитывать любимые романы, кто-то проводил много времени на рыбалке или в лесу, а некоторые без усталости работали на своих огородах.

После короткой прогулки Софья поспешила в детский сад. Скрипнув калиткой, она отправилась на поиски сестры среди игравших детей. На площадке под присмотром воспитателей весело резвились румяные малыши. Соня выискивала взглядом свою сестру и наконец увидела её: Полина сидела в песочнице, задумчиво перебирая ведёрко и лопатку. Соня улыбнулась и помахала ей. Полина, не сразу заметив сестру, продолжала сидеть в своей спокойной, чинной позе.

Сёстры были полными противоположностями. Софья обладала живым и решительным характером. Ей часто приходилось делать непростой выбор между добром и злом. Когда происходило что-то из ряда вон выходящее, мать с улыбкой говорила ей:

— Ты, конечно, храбрая, но помни, что за свои поступки придётся отвечать.

Софья, натура любознательная и смелая, часто рисковала, несмотря на отцовские порицания, ведь её жажда открытий была неукротима. Она ценила независимость и не выносила чрезмерного контроля. Её удивительная доверчивость придавала ей особое очарование. При этом она была полна неуёмной энергии. В ней гармонично сплетались огненный темперамент, безграничное жизнелюбие и глубокая внутренняя красота. В силу юного возраста ей не всегда удавалось сдерживать свои эмоции, и её наивные, неосторожные слова часто становились причиной неловких ситуаций.

Полина, напротив, отличалась тихим нравом, её душа была наполнена добротой и скромностью. Она была нежной, рассудительной и вела себя гораздо взрослее своих лет. Росла послушной и спокойной, никогда не доставляя родителям хлопот. Старшую сестру она любила за её решительность, за шумное озорство и сильный характер, за то, что в ней было что-то особенное, данное свыше.

В свободное от школы время Софья не привыкла бездельничать. Она уверенно пришивала пуговицы к рубашке, гладила воротничок или любимое ситцевое платице. Рядом с ней сидела Полина и с восхищением наблюдала за ловкими руками сестры, которые умело справлялись с любой работой: штопали, вязали, шили и даже готовили разные вкусности. Больше всего Полина обожала смотреть, как сверкают вязальные спицы и как быстро тает клубок шерсти, превращаясь прямо на глазах в шарф или шапочку. Однажды она случайно повредила свою любимую игрушку, но не успела заплакать, потому что Софья тут же пришила оторвавшийся хвостик зайчика на место.

Когда Полина наконец увидела свою старшую сестру, на её детском личике расцвело смущённо-счастливое выражение.

— Поль, я за тобой. Пойдём, я покажу тебе свою крепость! — прошептала Софья. Её голос был полон тайны.

— А где она находится? — с удивлением спросила Полина.

— За нашим домом, — ответила Софья.

— В лесу? Но там же волки! — испуганно воскликнула Полина. Её глаза расширились от страха.

— Ну и что? — беззаботно пожала плечами Софья.

— Как что? Они же нас съедят! — вскрикнула девочка, представив себе страшную участь.

— Не переживай, они уже поели, — успокоила её Соня, стараясь развеять страхи сестры.

— А что они съели? — растерянно спросила Полина.

— Грибы, — звонко рассмеялась Софья.

— Разве волки едят грибы? — не поверила девочка.

— Не будь такой трусихой, — мягко пожурила её старшая сестра.

Вскоре они оказались у дома, обогнули его, перебрались через теплотрассу и нырнули в лесную чащу.

Неожиданно Полина вскрикнула и взволнованно показала пальцем на старый трухлявый пенёк. На нём примостился крошечный зверёк. Он с любопытством смотрел на них. Софья улыбнулась и пояснила:

— Это бурундук, такой милый полосатый зверь. Люди их любят и зимой орешками подкармливают. Порой этот малыш настолько доверчив, что спускается по стволу лиственницы прямо к человеку. От угощения он никогда не откажется.

— По чему? По стволу лисеницы? — переспросила Полина.

— Не лисеницы, а лиственницы, — поправила Софья с улыбкой. — Я просто привела пример. Вообще, эти зверьки гуляют, где им вздумается.

— Кого ещё можно увидеть в лесу? — поинтересовалась Полина.

— Тут можно встретить барсуков, лисиц, чёрных хорьков, ежей, зайцев и даже медведя. Старожилы говорят, что раньше дичи здесь было куда больше. Знаешь, Поля, мне так нравится наш дикий таёжный край! Здесь всё удивительно, — ответила Соня и потащила сестру сквозь заросли.

Перед сёстрами вырос шалаш, сооружённый из еловых лап.

— Вот мы и на месте, — сказала Соня.

— Ого! Какая красота! — вырвалось у Полины, и она невольно прижала руки к груди от восторга.

— Я его на днях смастерила, — с гордостью сказала старшая сестра. — И, как видишь, тут ещё беспорядок. Поможешь прибраться?

— Конечно! А что нужно делать? — тут же отозвалась Полина.

Вместе они принялись наполнять шалаш сухими листьями и ароматной соломой. Вскоре внутри стало так уютно, что так и хотелось завалиться на пахучую подстилку и провести там весь день, погрузившись в мир грёз.

Полина подобрала смолистую шишку, понюхала её и, ёжась от удовольствия, спрятала её в еловых ветвях. Затем она устроилась рядом с сестрой в шалаше, обхватила свои тоненькие коленки и стала слушать, что та рассказывает. Круглолицая и румяная, Полина была очень похожа на мать. Сёстры лежали на соломе, держась за руки, и придумывали всякие удивительные небылицы. Время летело незаметно, а над тайгой уже начинали сгущаться сумерки.

— Сонька, а медведи к нам не забредут? Мама говорит, они детей едят, — встревоженно спросила Полина.

— Мама просто тебя пугает. Медведи не ходят к людям, — успокоила её Соня.

— А кто такая Большая Медведица?

— Большая Медведица живёт на небе. Пойдём, я тебе покажу.

Девочки стали выбираться из своего убежища.

— Как же темно стало! — пролепетала Полина, испуганно озираясь. Она устала и хотела есть, мечтала оказаться на маминых коленях. Её больше не интересовала Большая Медведица, и она начала хныкать: — Когда мы уже пойдём домой?

— Скоро, милая. Не плачь! — утешила Соня, крепко обнимая сестрёнку и почти бегом направляясь к дому.

На крыльце их подждал разъярённый отец. Увидев его, девочки окаменели, не смея сделать ни шагу. Александр Трофимович был глубоко пьян, и алкоголь лишь усиливал его гнев. Лицо его перекосило от злобы, а желваки угрожающе вздулись на скулах. Он начал выкрикивать ругательства в темноту:

— Скверная сучка! Ты ещё пожалеешь... Подлая тварь!

Некоторое время он стоял, покачиваясь, а затем пошёл прочь.

Софья с облегчением вздохнула — хорошо, что отец их не заметил. Они тихо проскользнули в дом. На кухне на стуле сидела Варвара Никитична, тихо всхлипывая. На её щеке отчётливо виднелся след от удара, несомненно оставленный мужем. Услышав тихие шаги, она вздрогнула и обернулась. Софья успела разглядеть её заплаканное лицо, и это зрелище встревожило её.

Варвара Никитична, увидев детей, почувствовала неловкость и отвернулась.

— Так поздно... Где же вы были? — Её голос звучал с ноткой беспокойства.

— Гуляли. Мам, что случилось? — с тревогой спросила Софья.

— Я... Отец... Мы поругались, — уклончиво ответила мать.

Софья обвела кухню удивлённым взглядом. Не понимая происходящего и не зная, что думать, она почувствовала, как её охватывает страх. В голове вихрем пронеслись вопросы: «Что произошло, пока нас не было? Почему у мамы на лице этот синяк?»

— Мамочка, это папа тебя ударил, да? — выпалила она, не в силах больше терпеть гнетущую неопределённость.

— Мы просто немного повздорили. — Мать явно не желала вдаваться в подробности.

— И как он только посмел распускать руки?! — негодовала Соня.

Мать, пытаясь оправдать мужа или, возможно, смягчить ситуацию, невнятно произнесла:

— Отец немного вспылil, и я тоже была неправа.

Однако Софья, охваченная праведным гневом, направилась к двери, намереваясь немедленно поговорить с отцом. Варвара Никитична, испугавшись возможных последствий, остановила её, воскликнув:

— Стой, глупая! Тебе же достанется! Я сама во всём виновата!

— Чепуха! Я в это не верю, — выдохнула Софья, дрожа от возмущения. — Ну как отец мог так поступить?

— К сожалению, иногда такое случается, — с горечью проронила мать.

Полина, затаив дыхание и съёжившись, с испугом наблюдала за происходящим.

Софья не могла смириться:

— А я не хочу, чтобы такое происходило в нашей семье! — упрямо мотала головой она.

— Какое право он имел поднять на тебя руку?!

Мать, пытаясь хоть как-то успокоить дочь, неуверенно произнесла:

— Не горячись. Отец проспится, и всё будет как прежде...

Софья, не в силах больше сдерживаться, выбежала с кухни и заперлась в своей комнате. Там, упав на кровать, она разрыдалась, чувствуя себя униженной и оскорблённой до глубины души.

Глава вторая

Лето выдалось на редкость знойным. Как только солнце начинало светить, бескрайняя тайга мгновенно пробуждалась, и повсюду слышались птичьи голоса. Над рекой клубился туман, расстилаясь по верхушкам зарослей, обрамлявших песчаные берега. В густых камышах царило оживление: там обосновались целые стаи диких уток.

Софья распахнула старое оконце, и свежий утренний воздух ворвался в комнату. Она глубоко вдохнула его, наслаждаясь многоголосым пением птиц. В воздухе витал чарующий запах полевых трав и цветов. Во дворе, словно в свадебном убранстве, благоухала черёмуха. На берёзу приземлились две сороки. Болтливые птицы долго стрекотали, перескакивая с ветки на ветку.

«Ну и болтушки же!» — подумала Софья, махнув им рукой. Но птицы, увлечённые своими делами, не обратили на неё никакого внимания.

Схватив полотенце, Соня бесшумно выскользнула из дома. По выходным она всегда ходила купаться на речку. Спустившись к берегу, она быстро разделась и осторожно погрузилась в воду. Некоторое время Соня зачарованно следила за игрой серебристых рыбок в прозрачной воде мелководья. Дно было видно как на ладони, и каждая рыбка, каждый камешек были на виду. На старом дырявом бочонке, в котором зияли прорехи, восседала огромная зелёная жаба, следя за солнечными зайчиками и противно квакая.

Внезапно какой-то жук с размаху врезался ей в лицо. Потерев ушибленное место, Софья пригрозила ему кулаком. Улыбнувшись своим мечтам, она с разбега плюхнулась в воду. Накупавшись вдоволь, Софья вернулась домой.

В доме её встретил привычный запах готовящейся еды. Варвара Никитична, как всегда, была занята у плиты, а на старой чугунной сковороде уже румянились аппетитные оладушки.

Софья бережно поместила в стеклянную вазу ароматный букет полевых цветов.

Внезапно резкий голос отца прозвучал у неё над самым ухом:

— Опять на речку бегала?

Софья вздрогнула от неожиданности, застигнутая врасплох.

— Нет, просто прогулялась, — пробормотала она, ощущая, как краска заливает её щёки.

Лицо Александра Трофимовича омрачилось:

— Ты что, забыла, о чём я тебя предупреждал?

— Нет, пап, я всё помню, — поспешно ответила Соня.

— Ну так повтори! — потребовал отец.

— Из тюрьмы сбежал заключённый. Он очень-очень опасный.

— Он может быть где угодно, так что будь осторожна и не пропусти затмение.

— Ой, а когда оно будет? — с искренним оживлением воскликнула Софья, ведь ей так нравилось наблюдать за этим небесным явлением через затемнённое стекло.

— Завтра утром, — сообщил Александр Трофимович.

— Я обязательно посмотрю на это чудо! — с энтузиазмом пообещала старшая дочь.

— А теперь иди матери помоги, — распорядился отец, взявшись за газету.

Кухня наполнилась аппетитными звуками, как только все уселись за круглый стол и приступили к еде: звенели чайные ложки в чашках, слышалось прихлёбывание и причмокивание, раздавался хруст свежего хлеба.

После сытного завтрака Александр Трофимович отправился по своим делам, а Полина убежала во двор играть с подружками. Варвара Никитична взялась готовить обед, ведь сегодня вечером они ждали гостей, и нужно было многое успеть. В воздухе повис удушливый смог. Соня взяла вафельное полотенце и принялась махать им в разные стороны, пытаясь разогнать его.

С материнской теплотой Варвара Никитична посмотрела на Соню и с лёгким упрёком спросила:

— Опять, небось, купалась?

Соня честно призналась:

— Да, было дело.

Мать покачала головой, выражая своё неодобрение:

— Не ходи одна к реке, Соня! Ты уже не маленькая, тебе пятнадцать лет, скоро паспорт получишь!

Соня, пропустив мимо ушей замечание, с горящими глазами спросила:

— А знаешь, почему я так люблю плавать?

— И почему же? — мягко улыбнулась Варвара Никитична.

— Потому что это непередаваемые ощущения! — выдохнула старшая дочь, пытаясь подобрать слова для своих чувств. — Это чистый восторг! Я готова часами плюхаться в воде, упиваясь каждой волной. Вода дарит мне покой и вдохновение. Я как будто отключаюсь от всего мирского.

Мать, стараясь быть строгой, предупредила дочь, чтобы та не заставляла отца нервничать, на что Соня беспечно ответила:

— Постараюсь.

— Очень на это надеюсь! — настаивала Варвара Никитична.

Но Соня уже переключилась на другое и, вспомнив разговор с подругой, спросила:

— Мам, что за суматоха у нас в посёлке?

— В администрацию приехали проверяющие. Говорят, кого-то из служащих обвиняют в хищении бюджетных средств.

— В хищении? Что это значит? — не поняла Соня.

— Простыми словами, кто-то присваивает себе деньги, которые должны идти на развитие посёлка. И делает это уже давно, — пояснила Варвара Никитична.

— Уже нашли виновного? — удивилась Софья.

— Подозревают нашего председателя. Он красиво говорит, но ничего толком не делает. Наш посёлок из-за этого теряет перспективы и приходит в упадок. У нас даже школы нет! Что тут ещё скажешь? В общем, наш посёлок могут вообще закрыть. Люди давно об этом судачат, а как известно, дыма без огня не бывает, — с грустью сказала мать.

Софья была ошеломлена этой новостью. Она не могла поверить, что их посёлок, куда на лето приезжают дети со всей страны в пионерский лагерь, может исчезнуть.

— Закреть?! — вырвалось у неё.

Мать объяснила, что лагерь построят в другом месте, а их Лапри со временем опустеет, зарастёт бурьяном и превратится в забытое место, где, возможно, останется лишь придорожное кафе.

Соня едва сдерживала слёзы. Шмыгнув носом, она с надеждой спросила мать:

— Неужели нет никакого выхода?

— Увы, милая, мы с тобой ничего не можем изменить. Мне так жаль! — Варвара Никитична тяжело вздохнула, понимая, как сильно дочь привязана к этим таёжным просторам, которые скоро станут лишь воспоминанием.

— Куда же мы поедём?

— Честно говоря, я и сама пока не знаю. Возможно, в Тынду.

— Вот это поворот! Одна новость хуже другой! — пробормотала Софья, пытаясь собраться с мыслями и побороть подступающую тошноту.

Глаза матери, то спокойно-ласковые, то задумчиво-нежные, блуждали по распахнутому окну, пока она говорила дочери:

— Доченька, я знаю, как ты любишь наш посёлок, но жизнь порой преподносит сюрпризы. Помни: всё, что ни делается, к лучшему! — В глубине души она уже представляла себе грядущие перемены и новую главу своей жизни, испытывая сильное желание начать всё с чистого листа...

— Я не выдержу этого! — буркнула Софья, смахивая предательские слёзы.

— Выдержишь, ты же сильная! И хватит об этом. Иди лучше позови Полину.

Софья, окончательно расстроенная, покинула дом.

Когда вечерние тени начали сгущаться, сёстры, уютно устроившись в тёплой постели, тихонько переговаривались. Вдруг Софья услышала шум за стеной. Осторожно, стараясь не шуметь, она выбралась из постели и на цыпочках прокралась на кухню. Там отец и сосед, оба подвыпившие, громко бранились, размахивая руками и толкая друг друга. Варвара Никитична, заметив дочь, тут же велела ей уйти. Софья, с трудом сохраняя спокойствие и скрывая страх, вернулась к сестре.

— Почему мама с папой всё время ругаются? — испуганно спросила Полина, укрывшись с головой под одеялом и тихо всхлипывая.

— Тише, милая! Не обращай внимания. Они просто так проводят время, — дрожащим голосом ответила Софья.

За стеной раздавались пьяные крики и звон разбитой посуды. Гости спешно ушли, но отец продолжал бушевать. В ярости он метался по дому, хватая первое, что попадалось под руку, а его гневные, полные ругательств вопли сотрясали стены. Вскоре его гнев обрушился на мать, и девочки слышали оглушительный звук пощёчины. Отец опрокинул посуду со стола, недовольный тем, что жена не успела её убрать. Девочки слышали, как он вымещает свою злобу на матери. Варвара Никитична упала на пол под градом ударов и заплакала.

Соня, не в силах больше этого вынести, дрожа от страха, робко вступилась за мать. Это, несомненно, удивило пьяного отца. Он немного остыл и даже присел на краешек стула. Полина же, спрятавшись под толстым одеялом, сидела тихо, как мышь, боясь даже дышать. Резкий, грубый голос отца ещё долго звучал в её ушах.

Ночь окутала землю, и полная луна залила небо серебристым светом. Соня, беспокойно ворочаясь в постели, никак не могла найти покоя, пытаясь переварить случившееся. Её сердце сжималось от беспокойства за мать, и она дала себе обещание впредь оберегать мать от любых обид. Лишь когда лунный свет проник в её комнату, сон наконец сморил её, но даже он был омрачён зловещими предчувствиями и тревожными видениями.

Пробудившись с первыми проблесками рассвета, Софья по привычке отправилась к реке, чтобы освежиться. Спускаясь к воде по пологому склону, она шла, куда глаза глядят, совершенно не замечая дороги. Всю ночь её мучили кошмары. Сначала это была обезумевшая толпа, чьи лица казались высеченными из камня, а взгляды — ледяные и пустые — проникали в самую душу. Затем появились жуткие лабиринты, где за ней гнались страшные призраки с горящими красными глазами. Когда спасение казалось близким, она вдруг оступилась...

Тревожный сон не отпускал, и Софья резко тряхнула головой, пытаясь его прогнать. Несмотря на то что было ещё рано, воздух был невыносимо тяжёлым и душным. В нём ощущался лёгкий запах гари.

Задумавшись, Софья не заметила, как оказалась в незнакомом месте. Немного побродив, она устроилась на горячем песке. Недосып давал о себе знать, и единственным желанием было окунуться в живительную прохладу. Скинув своё простое ситцевое платье, она с разбегу плюхнулась в прозрачную воду. Забавно фыркнув, Софья поплыла широкими гребками к песчаной отмели. Из прибрежных зарослей доносился неумолкаемый лягушачий хор. Наплававшись до полного изнеможения, она вытянулась под солнцем и незаметно задремала.

Внезапная тяжесть на плече вырвала её из полусна. Софья мгновенно интуитивно осознала: что-то не так, она не одна. Приоткрыв глаза, она увидела перед собой мужчину лет

сорока. Его мощная бычья шея и арестантская форма сразу бросились в глаза. Маленькие пороссячки глазки неотрывно следили за ней, а губы искривились в зловещей ухмылке. Лицо, покрытое щетиной, излучало неприкрытую грубость и явное возбуждение. От него исходила ощутимая угроза, и, несмотря на зной, Софью пробрал леденящий ужас. Она вскрикнула от испуга, пытаясь подняться, но незнакомец крепко удерживал её.

Охваченная всепоглощающим страхом, Софья отчаянно сопротивлялась, но в ответ получила удары по лицу и голове, отчего перед глазами потемнело. Неожиданно он набросился на неё, с грубой силой сорвал купальник и, удерживая её руки, буквально распял на песке. От него исходил удушающий смрад пота и чего-то ещё более отвратительного.

— Помогите! — отчаянно закричала Софья.

Но незнакомец быстро зажал ей рот рукой и прошипел угрожающе:

— Молчи, тварь! Иначе убью!

Удары и пощёчины сыпались на неё. Она оказалась под его тяжестью, не в силах пошевелиться. Всё происходило как в тумане. Острая пронзительная боль разорвала её тело, и из груди вырвался душераздирающий крик. Внезапно всё погрузилось во мрак, и Софья потеряла сознание.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не вой сирены. Нападавший в спешке бросился бежать в лес, подальше от посторонних глаз.

Когда Софья наконец очнулась, ей показалось, что прошла целая вечность. Медленно оглядевшись, она вдруг поняла, что каким-то чудом выжила. Незнакомца рядом не было. Софья поморщилась от мучительной боли в животе. Руки и ноги, словно налитые свинцом, отказывались повиноваться. Нащупав свои вещи, она попыталась встать. Жгучие слёзы неудержимым потоком лились по её щекам.

Соня не могла поверить в случившееся. Пытаясь унять боль, она присела на корточки и глубоко вдохнула. Спотыкаясь и покачиваясь, она побрела в сторону дома. Она чувствовала только боль, а в голове царила пустота. Разум отказывался принять произошедшее, а её чистое, доверчивое сердце — горькую реальность.

Небо вдруг затянуло огромной тёмной тучей. Разрастаясь вглубь и вширь, она быстро неслась вперёд. Вдали, словно пробуждающийся зверь, зарокотал гром. Ослепительная молния, будто огненный хлыст, рассекла потемневший небосвод. Поднялся сильный ветер, и крупные, тяжёлые капли дождя начали яростно стучать по земле.

— Господи, за что мне это?! — впервые в жизни обратилась Софья к Богу.

Она ясно осознала, что прежней жизни больше нет, и её душа утонула в горьких слезах. Тьма, подобно хищнику, вторглась в её мир...

Глава третья

Надвигались тяжёлые времена. Семья Софьи провела последние дни перед отъездом в суматохе сборов. Отец распродал всё, чего не могли взять с собой, надеясь, что вырученных денег хватит на первое время. Мать бережно укладывала вещи в чемоданы, сумки и корзины, а дети, не отставая, помогали ей в этом хлопотном деле. Опустевший, непривычно тихий дом давил своей звенящей пустотой, заставляя каждого ощутить тяжесть грядущих перемен.

С того дня, как судьба нанесла свой удар, Софья жила словно во сне, действуя на автомате. Признаться родителям в пережитом надругательстве было для неё невыносимым испытанием. Она допускала, что мать могла бы проявить к ней сочувствие, но отец... Его властный нрав и привычка держать всё под неусыпным контролем пугали её до дрожи. Она боялась даже представить его реакцию. Ночами она рыдала в подушку, а тревожные мысли, словно черви, подтачивали её изнутри, лишая сна и покоя. Её странным образом влекло к тому злосчастному месту, где случилось непоправимое, будто там, в самом сердце её боли, таилось некое спасение или разгадка.

Однажды под покровом темноты она ускользнула из дома, и ноги сами понесли её по неведомой тропе. Она совершенно не могла понять, как очутилась на краю крутого обрыва, нависшего над рекой. Неожиданно её охватило необъяснимое, почти первобытное желание шагнуть в бездну. Внизу, в тёмной пучине бушующих вод, отражались звёзды, словно призрачные маяки. Полная луна с немим любопытством наблюдала за ней. Софью буквально разрывало от душевной боли, такой острой, что хотелось кричать. Её горе было тем тяжелее, что она несла его в одиночестве, и оно, казалось, пожирало её изнутри.

Зажмурившись, Софья уже собиралась сделать роковой шаг, когда внезапно налетел разъярённый ветер, разорвав тишину диким воем. Послышались странные звуки: бормочущее шипение, пугающий шорох, треск ломающихся веток, словно к ней приближалось нечто злое. Соня резко отпрянула от края и в страхе бросилась домой.

Наступил день отъезда. Тщательно упакованный багаж ждал своего часа. Семья, следуя старой традиции, присела перед дорогой. Александр Трофимович, нахмурившись, взглянул на часы.

— Софья! Полина! — позвал он.

— Да, пап! — хором откликнулись девочки.

— Идите немного прогуляйтесь. Машина задерживается, у вас есть пара минут.

Старшая дочь, желая проститься с родными местами, выбежала на улицу, с трудом сдерживая эмоции. Её сердце бешено колотилось, дыхание сбивалось, словно ей не хватало воздуха. Обняв черёмуху, Софья горько заплакала. Лес вокруг, словно отражая её печаль, отзывался многоголосым эхом: птичьи трели, шорохи диких зверей и даже глухой рык притаившегося хищника сливались в единый убаюкивающий шум. Все звуки — от плеска воды до криков животных и пения птиц — создавали неповторимую симфонию. Здесь билось сердце её жизни, здесь прошло её детство, здесь был её мир. И теперь этот мир навсегда уходил в прошлое.

Тем временем, громяхая, во двор въехал грузовик. Александр Трофимович, погрузив последние вещи, занял место рядом с водителем. Варвара Никитична окликнула дочерей. Софья бросила прощальный взгляд на свой дом и направилась к матери. Необъяснимая тоска сжимала её душу, и она вновь не смогла сдержать слёз.

Они отправились в путь. Солнце безжалостно жгло, заливая всё вокруг обжигающим светом. Земля раскалилась и дышала жаром, а сухая, как порошок, трава грозила вспыхнуть. В машине стояла невыносимая духота, воздух был тяжёлым и горячим. Софья смочила платок, приложила его к пылающему лицу, пытаясь хоть немного охладиться. По широкой магистрали непрерывным потоком неслись машины, грузовики и автобусы. Софья, провожая их отстра-

нённым взглядом, чувствовала, как её нервы натягиваются до предела, словно струны. Она машинально посмотрела на часы: почти три — значит, скоро придут.

И действительно, вскоре их грузовик уже мчался по просторным, залитым солнцем улицам молодой столицы БАМа. Город ошеломлял своей новизной: повсюду высились яркие разноцветные здания, пестрели рекламные щиты новых универмагов, манили вывески уютных кафе. Вокруг кипела неутомимая жизнь: толпы людей сновали по улицам, площадям и бульварам, постоянно куда-то торопясь. Всё это было чуждо душе Софьи.

Они проехали мимо соснового бора, где располагалась районная больница, объехали оживлённую автостанцию, а затем, двигаясь по центральной улице, Софья заметила справа огромное колесо обозрения — главную достопримечательность парка развлечений. За парком простиралась прогулочная лесополоса, а за ней шумела река, названная в честь города. На другом берегу реки возвышался величественный железнодорожный вокзал. Его архитектура была необычной, ломаной, напоминавшей силуэт лебедя, а в центре возвышались две высокие башни, соединённые между собой помещением, где несли службу дежурные по станции. Со стороны вокзала доносились гудки и характерный перестук колёс приближавшегося поезда.

Грузовик, совершив небольшой крюк, остановился перед внушительным зданием городской администрации. Александр Трофимович, сжимая в руке папку с важными бумагами, решительно двинулся к парадному входу. Варвара Никитична, Полина и Софья остались ждать в машине. Варвара Никитична, явно обеспокоенная, не переставала теребить ремешок своей сумки, словно пытаясь найти в этом простом действии утешение. Юная Софья, напротив, была полностью поглощена изучением старинного бронзового памятника, в то время как Полина с открытым ртом зачарованно следила за нескончаемым потоком спешивших прохожих.

— Мамочка, люди здесь совсем другие, не как у нас в Лапри, — удивлённо произнесла она.

Варвара Никитична лишь улыбнулась в ответ.

Двигатель вновь ожил, как только Александр Трофимович вернулся, и грузовик тронулся с места. Оставив позади шум и суету центральной улицы, они под мерный грохот колёс помчались в направлении Шимановской улицы, что находилась на самой окраине города. Слева мелькнул их дом, а напротив, за дорогой, распахнулся дивный вид: холмы, укутанные густым лесом, плавно перетекали в могучие горы.

Едва грузовик затормозил во дворе, как Софья и Полина, охваченные предвкушением, выскочили из машины. Их новый дом был окружён лесом, где воздух был пропитан терпкими ароматами сосен, нежным шелестом белоствольных берёз, величественной красотой елей, яркими гроздьями рябины и трепетным дыханием осин. У самого дома пышно раскинулась черёмуха, а из окон открывался чарующий вид на журчащую извилистую речушку.

Софья вдруг почувствовала, как тревога отступает, и на её лице появилась улыбка. В ней зародилось тёплое чувство надежды, которое шептало ей, что всё непременно будет хорошо.

Варвара Никитична и Александр Трофимович с озабоченным видом осмотрели дом, но общее впечатление осталось благоприятным. Вся семья дружно принялась за разгрузку, и оставшийся день прошёл в хлопотах.

На следующее утро Александр Трофимович отправился на поиски работы, а Варвара Никитична — в школу, чтобы оформить документы для Полины, которая в этом году впервые должна была сесть за парту.

Проснувшись, Софья сладко потянулась в своей постели. Утреннее солнце, пробиваясь сквозь занавески, ласково касалось её лица, наполняя душу радостью. Быстро заправив кровать, она пошла на кухню, где её посетило внезапное, но сильное желание жить полной жизнью. Ей захотелось стать опорой для родных, помогать тем, кто в этом нуждается, совершать значимые поступки и приносить пользу обществу. В следующем году она планировала поступить в медицинское училище, но пока держала это решение в тайне от родителей.

Весь день Соня и Полина помогали маме приводить дом в порядок. Вскоре квартира преобразилась: стены были украшены небольшими картинами, на кухонном окне появились голубые шторы с белой оборкой, а на подоконниках — цветы в коричневых горшках. Разноцветные коврики добавили уюта на полу. Мебель была простой, ещё советского образца. В родительской комнате стоял громоздкий шкаф, в котором ещё оставалось много неразобранных вещей. Варвара Никитична накрыла обеденный стол домотканой скатертью и приготовила вкусный обед. На первое был ароматный борщ, а на гарнир — жаренный на топлёном масле картофель. Полина с удовольствием уплетала борщ, приправленный сметаной и зеленью, и бутерброды с колбасой.

Когда мать после обеда отправилась на отдых, Софья решила провести время во дворе. Она села на скрипучую скамейку, глубоко вдохнула и почувствовала себя абсолютно счастливой. Вокруг бурлила летняя жизнь: неутомимые кузнечики весело стрекотали в огороде, муравьи деловито ползали под ногами, а бабочки с кремовыми крылышками, украшенными лимонными прожилками, порхали в воздухе. Мохнатый шмель назойливо жужжал над цветком, а из леса доносилось птичье щебетание. Опыняющие ароматы лета наполняли воздух.

Софья, медленно потягиваясь и улыбаясь своим мыслям, окинула взглядом окрестности и вдруг застыла. На крыльце соседнего дома появился высокий смуглый брюнет лет двадцати. На нём были только спортивные брюки, и его угловатые плечи ничуть не портили спортивного телосложения. Взъерошенные мокрые волосы торчали в разные стороны, а на губах играла лёгкая, чуть насмешливая улыбка. Он неспешно пил кофе и курил.

Их взгляды столкнулись, и Софья почувствовала, как краска заливает её щёки. Чтобы совладать с волнением, она быстро отвела взгляд. Однако, не удержавшись, она бросила на него озорной девичий взгляд и застенчиво улыбнулась. Он ответил улыбкой и помахал. Софье очень хотелось заговорить, узнать его имя, но страх показаться неловкой или сказать глупость сковал её.

Внезапно она разозлилась на себя: «Зачем я так стараюсь ему понравиться? Что в нём такого особенного?!» С этими мыслями она поспешила уйти, но, как назло, споткнулась. Быстро выправившись, она прибавила шаг. Услышав вслед задорный смех, Соня обернулась и показала ему язык. «Какой же он симпатичный!» — пронеслось у неё в голове. Влетев в комнату, она с грохотом захлопнула дверь.

— Что с тобой? — удивлённо спросила Полина, заглянув к старшей сестре.

Отмахнувшись от неё, Софья направилась в ванную. Пока вода набиралась, она рассматривала своё лицо в зеркале. Оно было удивительно живым и выразительным: яркие зелёные глаза, милый, слегка вздёрнутый носик и густые каштановые волосы. Она никогда не задумывалась о своей привлекательности или о том, как она нравится парням. Закрыв кран, она с наслаждением погрузилась в горячую воду. Сердце её трепетало от новых ощущений. Незведанных. Волнующих. Перед ней открывался мир, о котором она раньше не подозревала, и даже краткое знакомство с ним вызвало поток фантазий. Её мысли вновь и вновь возвращались к молодому человеку. Она скорее чувствовала, чем размышляла. К сожалению, её природная доверчивость часто играла с ней злую шутку, заставляя ошибаться в людях.

Намылив голову, Софья пыталась переварить события, которые так сильно её взволновали. Это была первая настоящая любовь в её жизни, такая всепоглощающая, что сердце невольно сжималось. Смыв пену, она закуталась в полотенце и вышла из ванной. Приняв таблетку от головной боли, Софья попыталась погрузиться в чтение, но слова ускользали. Она отложила книгу и устало потёрла виски.

Её давно мучили мигрени, а иногда случались внезапные обмороки. Всё началось после того, как в детстве она чудом выжила после наезда автомобиля. С тех пор её память стала избирательной: некоторые события жизни стёрлись, лица малознакомых людей не задерживались в памяти, а простые вещи забывались с лёгкостью. Несмотря на это, Софья продолжала

жить полной жизнью и строить планы. Доктор уверял, что память вернётся со временем, и она верила ему. Иногда ей казалось, что за этими пробелами в памяти скрывается нечто ужасное, о чём ей шептали сны...

Глава четвёртая

Осень вступила в свои права. Землю всё чаще окутывали белёсые туманы, предвещая скорое наступление холодов. Листва на деревьях, прощаясь с тёплыми деньками, вспыхнула буйством красок: от золотистой до багряной, от оранжевой до алой, отражая переменчивое настроение осени. Воздух наполнился влажным ароматом опавших листьев, и дожди стали более частыми. Тяжёлые оранжевые гроздья склонили ветви высоких рябин. Эти яркие ягоды привлекали стаи птиц. Самые голодные, заметив обильное угощение, опускались на деревья и быстро поглощали ягоды. Затем, спеша в тёплые края, они стремительно уносились прочь.

С раннего утра Софья и Полина утепляли окна. Софья старательно запихивала вату в щели, а Полина держала наготове полоски бумаги с клейстером. Пёс Байкал крутился около них, виляя хвостом. Полина периодически его отгоняла, опасаясь за клей, но пёс возвращался. Александр Трофимович отлучился по делам, а Варвара Никитична, как обычно, возилась на кухне.

В суете домашних забот время пролетело незаметно, и вот уже наступил вечер. Завершив все дела, девочки устроились перед телевизором, чтобы посмотреть развлекательную передачу. В воздухе витал аппетитный запах свежееиспечённых пирожков. Варвара Никитична, приготовив целую гору угощений, позвала дочерей к столу. Наевшись досыта и чувствуя себя вполне довольными, девочки разошлись по своим комнатам.

Тем временем Варвара Никитична с беспокойством ждала мужа. Александр Трофимович в последнее время часто приходил домой пьяным и устраивал сцены ревности. Его контроль дошёл до того, что он запретил ей общаться со старыми знакомыми, принимать гостей и даже соседей. Варвара Никитична перестала следить за собой, отказавшись от прежних нарядов и косметики. Она старалась во всём угождать мужу. Но это лишь распаляло его гнев. Александр Трофимович всё чаще и чаще находил поводы для обвинений и не гнушался рукоприкладством.

Неожиданно входная дверь распахнулась, и в прихожей послышался пьяный голос мужа. Варвара Никитична, вздрогнув от страха, поспешила к нему.

— Что ты там копаешься? Иди сюда! — грубо приказал Александр Трофимович, едва держась на ногах. Алкоголь не принёс ему желаемого успокоения, и он был зол на весь мир.

— Сашенька, ты чего так поздно? — робко спросила Варвара Никитична.

— Не твоё собачье дело! — огрызнулся Александр Трофимович и со злостью пнул собаку. Байкал взвизгнул и, отскочив, скрылся на кухне. — Помоги мне раздеться. Живее, я сказал!

Варвара Никитична бросила на мужа насторожённый взгляд. С момента их переезда всё изменилось, и, увы, не в лучшую сторону.

— Сашенька, ну зачем ты так? Я ведь ужин приготовила, ждала тебя. Иди, родной, покушай, — с мольбой в голосе попросила она, стягивая с него куртку.

— Замолчи! Не тебе меня учить! Может, у меня был трудный день. Что ты вообще понимаешь? — резко оборвал её муж.

— Не получилось с работой? — тихо спросила жена.

— Да. Вот и выпил немного, — буркнул Александр Трофимович, пытаясь разуться.

Софья, затаив дыхание, стояла у двери, вслушиваясь в напряжённый разговор родителей.

— Это не оправдание пьянству, — неосторожно обронила Варвара Никитична и тут же пожалела о своих словах.

Глава семейства, Александр Трофимович, на мгновение окаменел, не веря своим ушам. Его взгляд, полный ненависти, устремился на жену. Лицо мужа исказилось в отвратительной гримасе — он был в ярости.

— Что ты сейчас сказала?! Повтори, слово в слово! — прорычал он, сдвинув брови.

Варвара Никитична, пытаясь смягчить ситуацию, невнятно пролепетала:

— Сашенька... Прости, я не хотела тебя обидеть. Я просто очень за тебя переживаю. Пойди поешь, пока пирожки горячие. Ты ведь, наверное, голоден.

Но Александр Трофимович был непреклонен:

— Сама жри свои вонючие пироги! Ты только что назвала меня алкашом? Так?! — прогремел он.

— Нет, родной, я не говорила этого... Просто... — начала оправдываться Варвара Никитична, но её слова оборвались. Александр Трофимович, не дав ей договорить, с силой ударил её по лицу, а затем ещё раз. Варвара Никитична отлетела, прикрыла лицо дрожащими руками и разрыдалась. Муж навис над ней, словно хищник. Она молила его остановиться, но в его глазах не было и тени жалости. Он продолжал бить её с изощрённой жестокостью, будто получая некое удовольствие от каждого удара.

Софья, не в силах видеть этого, выбежала из комнаты и встала на защиту матери.

— Папа, пожалуйста, не бей маму! — взмолилась она, пытаясь справиться со своим страхом и не рассердить его ещё больше. Её взгляд скользнул по его отталкивающему пьяному лицу, и она с горечью осознала, как сильно он изменился с годами.

Отец недовольно взглянул на неё и рявкнул:

— А ну-ка, марш в свою комнату! Живо!

— Не пойду, — твёрдо ответила старшая дочь, несмотря на предательскую дрожь в ногах.

— Что-о-о?! Я не ослышался?! А ну, пошла вон отсюда! — заорал отец. Его голос не предвещал ничего хорошего.

Софья упрямо покачала головой, чем ещё больше разозлила отца. Она понимала, что рискует попасть под его горячую руку, но не могла спокойно наблюдать, как он избивает мать. Пусть лучше ей достанется. В такие моменты ей казалось, что она ненавидит его всем сердцем.

— Родной, прошу, не надо! Умоляю, остынь! — Варвара Никитична побледнела как полотно.

Александр Трофимович, чьё самолюбие было задето, не слышал мольбы жены. Его зрачки расширились, губы сжались в жёсткую линию, а лицо побагровело от злости. Его некогда правильные черты лица огрубели, покрылись морщинами, а щёки обвисли. Из-за постоянного злоупотребления алкоголем он стал обрюзгшим и потерял прежнюю привлекательность.

— Значит, не уйдёшь?! — Выдернув ремень из своих помятых брюк, отец угрожающе двинулся на дочь.

— Папочка, пожалуйста, успокойся! Прощу тебя! — испуганно прошептала Софья, делая шаг назад.

— Вот оно, твоё воспитание! — зло бросил Александр Трофимович жене, а затем наотмашь ударил дочь ремнём, отчего та пошатнулась, но удержалась на ногах.

В Софье внезапно вспыхнула ярость. Годами копившаяся несправедливость душила её, и она едва сдерживалась. В её памяти, как ожившие призраки, пронесли тени прошлого: отец, чья жестокость была бичом для матери и чьи удары не раз доставались и ей самой.

— Убирайся, я сказал! — грубо сказал отец.

— Я не уйду! — смело ответила Софья.

— Ещё хочешь получить?! — злобно скривился Александр Трофимович.

— Ну давай, бей! Тебе же не впервой это делать! Ты только и можешь, что слабых обижать! Трус! — не выдержала Софья.

— Что-о-о?! Что ты сказала, гадина?! — взревел отец, ошеломлённый услышанным.

— Я долго терпела, но, видит Бог, моё терпение лопнуло. Как можно так унижать свою семью?! До каких пор ты будешь втаптывать нас в грязь?! Ты измываешься над нами из-за каждой мелочи! Постоянно поднимаешь руку на маму! Зачем мы живём с тобой? Для чего?

Чтобы ты над нами издевался? В чём мы провинились перед тобой? Что мы делаем не так? Мы ведь всегда стараемся тебе угодить! Но наши старания остаются незамеченными! Что плохого мы тебе сделали? Посмотри, во что ты превратил маму! Ей всего тридцать восемь, а она выглядит старухой! Почему я должна молчать и терпеть?! Я тебя просто ненавижу! — выкрикнула Софья. Её слова были полны горечи и отчаяния. Её обычная прямолинейность на этот раз обернулась против неё.

Слова дочери настолько поразили отца, что он на мгновение застыл, словно изваяние. Внезапно глава семейства разразился громким, давно забытым смехом. Но смех оборвался так же внезапно, как и начался, и лицо его стало мрачным и неподвижным.

«Он стал монстром!» — с ужасом подумала Софья, сжимаясь от страха. На лице её матери, Варвары Никитичны, отразился неподдельный ужас, ведь она знала, что произойдёт дальше, и понимала, что остановить его уже не удастся.

— Проклятое бабье царство! Вы ещё пожалеете о том, что посмели мне перечить! — медленно процедил сквозь зубы Александр Трофимович с явной злобой.

Он грубо схватил дочь за шиворот и начал бить её с такой яростью, что Софья вскоре перестала чувствовать боль. Перед тем как потерять сознание, она успела заметить, как в дом вбежал встревоженный Сергей. На крики прибежали соседи, которые и вызвали милицию. Прибывший наряд задержал Александра Трофимовича и доставил его в отделение.

Не сумев привести дочь в чувства, Варвара Никитична вызвала бригаду скорой помощи. Медики быстро прибыли, и вскоре в дом вбежали люди в белых халатах с медицинским чемоданчиком. Они были шокированы, обнаружив множество гематом и синяков на теле девушки. Обработав повреждения, они сделали ей обезболивающий укол.

Через несколько минут Софья приоткрыла глаза и даже слегка пошевелилась. У неё всё расплывалось перед глазами и сильно кружилась голова.

— Лежи, не вставай! — произнёс врач, передавая Варваре Никитичне какие-то бумаги.

— Что это? — растерянно спросила та, всё ещё не оправившись от потрясения.

Врач пояснил:

— Мы госпитализируем девочку. У неё сотрясение, требуется стационарное лечение.

Варвара Никитична согласилась, кивнув, и обратилась к старшей дочери:

— Сонюшка, я завтра же приеду к тебе. Ты, главное, не волнуйся.

Подписав бумаги, она тут же принялась собирать вещи для дочери в больницу.

Ноябрь принёс с собой стужу и метели. По заснеженным улицам гулял пронизывающий, колючий ветер, завывая в подворотнях. Снежные хлопья то мягко ложились на землю, словно пуховое одеяло, то взмывали ввысь, кружась в неистовом вихре. Небо же скрылось за плотной тёмно-серой дымкой, предвещая долгую зиму.

Софью выписали из больницы. Собрав свои нехитрые пожитки, она тепло попрощалась с персоналом и вышла на улицу. Морозный ветер тут же обдал её ледяным дыханием. Укутавшись в своё тонкое пальтишко, она поспешно забралась в подошедший автобус и отправилась домой.

Заметив дочь на пороге, Варвара Никитична с беспокойством поинтересовалась:

— Тебя не слишком рано выписали?

Софья поспешила успокоить мать:

— Всё в порядке, мамочка! Не волнуйся!

Варвара Никитична хотела задать ещё вопрос, но промолчала. Она прошла на кухню, устало опустилась на стул и отрешённо уставилась в окно. По её бледным исхудавшим щекам катились крупные слёзы. Услышав приглушённые всхлипы, Соня присела рядом и сочувственно спросила:

— Ты об отце думаешь?

— Угу, — ответила мать, вытирая мокрое лицо фартуком.

— Мам, не вини себя! Он сам виноват во всём, что случилось! Ему ещё повезло, что так легко отделался. Это всё равно рано или поздно произошло бы! — уверенно заявила Софья.

— А что будет, когда он вернётся?! Он же озверееет! — с тревогой воскликнула Варвара Никитична.

— Может, всё изменится. Во всяком случае мы найдём выход из любой ситуации! Давай оставим эти мысли на потом, хорошо? — предложила Соня.

— Хорошо, — с глубоким вздохом согласилась Варвара Никитична.

— Ну вот и ладненько, — с улыбкой произнесла старшая дочь.

— Соня, тебе надо ходить в школу, — напомнила мать.

— В школу?! — рассеянно переспросила Соня, словно только что вспомнив о ней.

Мать, скрестив руки на груди, внимательно посмотрела на дочь.

— Тебе ещё три года учиться, и было бы неплохо подтянуть успеваемость, — добавила она.

— Я закончу этот год и получу аттестат, — твёрдо произнесла Соня. В её голосе звучала непоколебимая решимость.

Мать удивлённо подняла брови:

— Что ты такое говоришь?

Соня пожала плечами:

— Летом я поеду поступать в медицинское училище.

— Куда?! — опешила Варвара Никитична.

— В Алдан, — ответила Соня.

— Но это же в Саха — Якутии! — недоумевала мать, пытаясь понять, когда дочь приняла такое решение.

— Знаю. Там живёт моя подруга, так что будет где остановиться, — объяснила Софья.

— Ты это серьёзно? — Варвара Никитична была поражена до глубины души.

Она хотела что-то добавить, но неожиданный стук в дверь заставил её вздрогнуть и съежиться. Софье стало невыносимо жаль мать.

— Я открою, — сказала она.

— Нет, Соня, я сама. Тебе лучше отдохнуть перед школой, набраться сил, — настояла Варвара Никитична, направляясь ко входной двери.

Соня ушла в свою комнату, где на коврик безмятежно дремал их пёс Байкал. Потрепав его за ухом, она с наслаждением растянулась на кровати. Вскоре Варвара Никитична заглянула:

— Соня, к тебе пришли.

В комнату вошёл Сергей, держа в руках коробку конфет.

— Здорово, соседка! — жизнерадостно приветствовал он.

Софья, удивлённая его внезапным появлением, пробормотала:

— Привет, — и мгновенно вскочила. На её лице появилась застенчивая улыбка, а руки машинально потянулись к кофточке. Она молчала, не зная, что сказать. Сергей, заметив её замешательство, протянул коробку.

— Это мне?! — Софья зарделась, а её сердце забило так сильно, что казалось, его стук разносится по всей комнате.

— Может, чаю с лимоном? — предложила Варвара Никитична, вновь появившись в дверях.

— Не откажусь, — ответил гость, улыбнувшись.

На кухонном столе, словно добродушный толстяк, приветливо попыхивал и отдувался неуклюжий самовар. Сергей с интересом разглядывал его, а Софья от волнения не могла собраться с мыслями.

Варвара Никитична заботливо спросила:

— Может, к чаю и пирожков?

— У мамы потрясающие пирожки с картошкой и капустой. Обязательно попробуй, — тут же подхватила Софья.

Сергей, кивнув, уселся за стол. Варвара Никитична пододвинула ему дымившийся чай и тарелку с румяными пирогами. Молодой человек с явным удовольствием принялся за угощение.

Заметив, как смутилась дочь, Варвара Никитична поняла: Софья влюблена.

За неспешной беседой за чашкой душистого чая Варвара Никитична открыла баночку домашнего малинового варенья и нарезала ломтями хрустящий хлеб. Пока Сергей с аппетитом уплетал это простое, но такое вкусное лакомство, он рассказывал о себе. Соня узнала, что его мать — художница и что они недавно переехали. Сердце Софьи сжалось от грусти, когда она услышала, что Сергей собирается в армию. Это казалось несправедливым, ведь они только начали узнавать друг друга. В душе девушки поселилась горечь предстоявшей разлуки. Она украдкой любовалась Сергеем, испытывая трепет и восторг. У него была обворожительная улыбка, а его жгучие карие глаза проникали в самую душу. Софья видела в нём лишь достоинства и страстно желала прикоснуться к нему.

Допив чай, Сергей поблагодарил за вкусное угощение и попрощался.

— Приходи к нам ещё, если захочешь, — торопливо выдохнула Соня, вновь вспыхнув румянцем.

— Приходи обязательно, тебе всегда рады, — с тёплой улыбкой сказала Варвара Никитична, провожая гостя за порог.

Софья сунула собаке недоеденный пирожок и принялась убирать посуду. После ухода Сергея на душе стало тоскливо. «Нужно чем-то отвлечься», — решила она, доставая из комода пыльные учебники и тетради.

Глава пятая

Пришёл январь, и город преобразился под покровом мягкого пушистого снега. Всё вокруг: дома, фонари, скамейки и скульптуры — словно сошло со страниц волшебной книги, приняв облик сказочных персонажей. Кусты, покрытые серебристым инеем, искрились на солнце, напоминая россыпи жемчуга. Деревья, скованные крепким морозом, застыли в причудливых, невероятных позах, напоминая фантастических существ, припорошённых снегом. Вершины гор украсились снежными шапками, а бескрайняя тайга укрылась мягким, словно пух, одеялом. Реки полностью промёрзли, а высокие сугробы покрылись тонкой, скользкой ледяной коркой, образовав угрожающий наст. Рождественская стужа сковала землю, а свирепый ветер, налетая порывами, пробирал до самых костей, свистя и кружась в воздухе. Люди, закутавшись в шубы и пуховики, спешили по своим делам, стараясь как можно скорее укрыться от его ярости. Улицы опустели, площади замерли в безлюдье. Но, несмотря на лютый мороз, детвора с неуёмным озорством носилась по дворам, осыпая друг друга снежками и увлечённо лепя снеговиков.

Перед тем как отправиться на работу, Варвара Никитична разбудила Соню. Та, неохотно поднимаясь с постели, начала собираться.

Соня посещала школу без особого желания. Её одноклассники, чьё поведение сводилось к издевательствам, пустой болтовне и прогулам, вызывали у неё лишь неприязнь. Она чувствовала себя совершенно чужой в их мире беззаботного веселья, где того, кто не вписывался, легко могли унижить или отвергнуть, не задумываясь о последствиях. Для них травля была обычным делом. Сама же Софья, скромная и неприметная, с небрежной причёской и без косметики, явно выделялась на их фоне. Её внешний вид, говоривший о неблагополучии, становился поводом для едких нападок со стороны одноклассниц. Каждое колкое слово ранило её, и она всё больше отдалялась от этих назойливых модниц. Порой ей казалось, что она уже давно переросла их мелкие заботы. Пытаясь игнорировать одноклассников, Софья старалась сосредоточиться на учёбе.

У Полины же всё складывалось иначе. В отличие от Сони, ей нравилось ходить в школу. У неё появилось много друзей, и каждый день после уроков её провожали до дома.

Варвара Никитична трудилась в прачечной с раннего утра до позднего вечера. Несмотря на изнурительную усталость, она была по-настоящему счастлива. В их доме царили уют и долгожданный покой. Каждый вечер, после того как ужин был съеден, дочери, как это было заведено, помогали матери убирать со стола и мыть посуду. Затем они собирались перед телевизором, устраиваясь на стареньком диванчике, и смотрели комедию, иногда хохоча до упаду. В эти моменты они не думали о завтрашнем дне, им было хорошо здесь и сейчас.

Тем не менее Софья не могла отделаться от тревожных мыслей о возвращении отца из тюрьмы. Однажды, не выдержав, она обратилась к матери:

— Мам, ты сможешь бросить отца и уехать?

— Куда? — недоумённо переспросила Варвара Никитична, и её лицо мгновенно омрачилось.

— Ну, например, к бабушке. — Соня не отводила взгляда от матери.

— У нас нет денег на дорогу. Ты знаешь, как мало я зарабатываю. Мы едва сводим концы с концами. Иногда приходится влезать в долги. И не забывай про оплату жилья, — с горечью ответила Варвара Никитична.

— Я пойду работать! — пылко воскликнула Софья.

Варвара Никитична, покачав головой, возразила:

— Ты же ещё школьница! Это исключено!

— Ты его ещё любишь? — не унималась Софья.

— Не знаю, — тяжело вздохнула мать, опустив голову. В её глазах стояли слёзы. Она мечтала о другой жизни, но, увы, не решалась что-то менять.

Софья была готова ко всему, кроме этой покорно опущенной головы. Дочь крепко обняла мать, прижавшись к её плечу. Ей отчаянно хотелось защитить её, уберечь от всех невзгод. Она искренне верила, что выход из этой ситуации непременно отыщется...

После затяжной зимы наконец наступил март. По синему небу проплывали и таяли белые облака, а солнце нежно согревало озябшую землю. Природа, словно пробуждаясь от глубокого сна, оживала на глазах. Почки раскрывались на деревьях, а из-под снега робко выглядывали первые цветы — подснежники. Лес наполнялся звонким щебетом птиц, а воздух был пропитан свежестью весны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.